

Там, где светятся звезды

Сергей Лавриненко

Сергей Лавриненко

Там, где светятся звезды

«Автор»

2025

Лавриненко С.

Там, где светятся звезды / С. Лавриненко — «Автор», 2025

Где-то за пеленой серых туч лежит вселенная, сияющая всеми цветами радуги. Но чтобы добраться до нее, нужно перестать бояться собственного света. Флик и Лея — два серых мышонка, неразлучных с детства. Их мир — это бескрайние облака, а их судьба — найти свой уникальный цвет и, превратившись в новое существо, улететь в сияющий мир за звездами. Яркие лисы, мудрые совы, загадочные барсуки — каждая новая встреча дарит надежду и рождает новые страхи. Лея рвется вперед, к мечте, а Флик, наблюдая за теми, кто предпочел остаться в тени, все чаще задается вопросом: а что, если настоящая храбрость — не в том, чтобы улететь, а в том, чтобы остаться собой? Их дружбу ждет тяжелое испытание, когда для каждого наступит момент истины — момент, когда тишина внутри запоеет, подсказывая единственно верный путь. Это глубокая и трогательная философская притча о поиске себя, цене дружбы и о том, что настоящее счастье начинается там, где заканчиваются твои страхи.

© Лавриненко С., 2025

© Автор, 2025

Содержание

1. Облако сожженных надежд	5
2. Неприятное пламя	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Лавриненко Сергей

Там, где светятся звезды

1. Облако сожженных надежд

Серый цвет. Ничто не дарит такого умиротворения, как то, что неизменно. Серый цвет. Сколько бы оттенков он ни имел, суть его остается прежней. В нем нет ни жара, ни стужи – лишь тихая, нерушимая гармония.

Возможно, мне стоило стать той самой серой мышью, которая, куда ни придет, окрашивает все в свой оттенок. Раньше меня манили все цвета радуги – яркие, зовущие. Ты смотришь и видишь: каждый находит себя, обретает свой цвет. А те, кто не сумел, так и остаются блуждать в сером, бесшумном мире.

Все оказалось проще, чем я думал. Достаточно изменить взгляд – перестать видеть мир враждебным, и все наладится. А я будто нарочно твержу, что судьба играет против меня. Блуждаю в тумане, не решаясь шагнуть в новую жизнь. Но ведь помимо радуги есть столько других цветов: нежный розовый, глубокая бирюза, ослепительное золото, чистейший белый и холодное серебро. Они живут, сияют, отражаются в окружающем мире – и делают его прекраснее.

Мы все – одинокие серые облака, жаждущие того, кто увлечет нас за собой... чтобы наконец раствориться в их свете.

Страшно. Страшно осознавать, что придется покинуть свою тихую гавань – единственное место, где все знакомо и безопасно. Но иногда я ловлю себя на мысли: “а те, кто остался за баррикадой, они ведь тоже счастливы? Или просто притворяются, чтобы не испугаться собственных сомнений?”

Взять того же Марлина. Спит себе, ни о чем не тревожится – годы, конечно, делают свое, но внешне он все тот же: будто одиночество его совсем не тяготит. Он – далекая тучка, оторванная ото всех, живущая в своем замкнутом мире. Не хочет видеть настоящую жизнь, не верит в нее. Говорят, он необычный: подмечает мельчайшие детали, но почти никогда не говорит о них. Усталый. Это видно. Как бы он ни старался казаться равнодушным – серый цвет точит его изнутри. Скептик, который отказывается меняться. Добрый, но закрытый: слова из него не вытянешь, но попробовать стоит...

Я отыскал его там, где небо сходит с ума – где облака, как раны, разрываются в клочья.

Он замер на самом краю, сливаясь с пеленой тумана – лишь сгусток тьмы с двумя тлеющими углями во тьме. Если бы не этот жутковатый отсвет в его взгляде, я бы шагнул дальше, списав видение на игру ветра и усталость.

– Ты... живой? – вырвалось у меня, и я тут же стиснул зубы: вопрос повис в воздухе тяжелее тумана.

Он издал звук, будто осенний ветер перебирает страницы мертвой книги:

– Призраки не обязаны отвечать. И не тают от человеческого взгляда.

Ветер донес до меня обрывки смеха – там, вдалеке, многие уже обрели свои краски.

Я судорожно сжал лапки:

– Почему ты остаешься в тени? Мы все...

– Все? – его голос вдруг ожил, словно ржавый нож, соскобливший с себя патину. Но в этой резкости таилась горечь. – Нет. Только наивные. Те, кто все еще верит, что там за баррикадой их ждет что-то большее, чем новые оттенки серого.

Его облако сгустилось, почернело на глазах – будто вобрало в себя все грозы, что так и не разразились над этим миром.

Я наблюдал, как многие уходят. Как возвращаются. Но больше всего запомнились те, кто остался там: их свет был глубже, чем солнечные блики – словно само солнце конденсировалось в их сердцах..

– Они счастливы... – выдохнул я, и слова растворились в сером воздухе, как последний дымок от потухшей спички..

– А может, они просто научились громче всех кричать, – прошептал Марлин, и его голос стал похож на шелест сухих листьев. – Цвет – это не просто оболочка, малыш. Он проникает в самое нутро.

Он развернулся в мою сторону, и тогда до меня дошло – темноты он не боялся. Его страшило сияние.

– Оставь меня в покое, – сказал Марлин, и в его голосе звучала усталость. – Ты не первый, кому пришла в голову эта мысль...

Но я не ушел. Впервые я понял: его серость не означала отсутствие цвета. Это было все многоцветье вселенной, сгоревшее дотла.

Без лишних слов я присел рядом. Этого было достаточно – дать ему понять, что его истинную суть кто-то разглядел.

– Разве не страшно навсегда остаться в серости? – прозвучал мой вопрос, рожденный скорее интуицией, чем осознанием.

Губы его дрогнули в усмешке, и раздался короткий, сухой звук – точь-в-точь как треск тонкого льда под утренним солнцем.

– Све-тить-ся? – растянул Марлин, и с каждым слогом из его ноздрей вырывались новые клубы дыма. – Покажи мне хотя бы одного, в ком был настоящий свет, а не дешевая мишура.

Порыв ветра принес нам отголоски чужого веселья. На горизонте, будто забытая кем-то монета, тускло поблескивало желтое пятнышко.

– Гляди! – я возбужденно замахал лапой. – Там, в тех золотистых облаках! Кто-то же там есть, правда? Настоящие львы из солнечного света!

Марлин медленно повернул голову, и сухой хруст раздался в тишине – будто его суставы ржавели от долгого бездействия.

– Это не желтый. Это гниль.

Он ковырял край облака ободранной лапой. Под серой шкурой виднелась мутная субстанция – не кровь, не плоть, просто... серая масса.

– А если тебе рискнуть, попробовать ненадолго? – прошептал я.

Его глаза сузились. Вдруг я заметил, что его левая лапа полупрозрачна – будто кто-то стер пальцы ластиком.

– Ненадолго? – он засмеялся, и в этом смехе было что-то ужасное. – Цвет – это не краска, малыш. Это болезнь.

Я вдруг разозлился.

– Ты просто трус!

Он замер. Потом медленно поднял свою изуродованную лапу.

– Нет. Я – реалист!

Край облака под ним начал расползаться.

– Подожди! – закричал я.

Но он уже растворялся в тумане.

– Не приходи сюда больше, – донесся его голос.

В последний миг я успел разглядеть, как его силуэт растаял в пелене облаков, и тут же хлынул ливень – будто само небо оплакивало чью-то утраченную надежду. Я ожидал, что наша встреча будет... иной. Глубже. Но как можно рассуждать о красках с тем, кто добровольно заточил себя в серости и стал ее частью?

Время от времени к нам приходили те, кто осмелился шагнуть за пределы звезд и раствориться в цвете. Каждая мышь, коснувшись нового оттенка, менялась – будто краски переписывали ее душу заново. Но самое страшное было не в самом превращении. Страшно было перестать быть собой.

– Привет, Флик, – прозвучало за моей спиной. Теплый, знакомый голос Леи.

Едва я вернулся к стае, как осознал – все изменилось. У каждого поколения был свой островок в облаках, своя стая. И каждый решал: остаться в сером тумане или отправиться за звезды, туда, где цвета горят, как маяки. Из нашей стаи несколько уже сделали выбор. Двое ушли. Один – вернулся.

Когда смотришь на Марлина, становится ясно: он последний, кто еще носит серый оттенок. Последний, кто сдался. Не страху, нет. Он сдался надежде. И в этом нет вины – лишь тихая грусть.

Мы все начинали одинаково: рождались из тумана, бесформенные, как клочки облаков. День за днем обретали очертания, а с ними – этот предательский серый цвет. Но раньше... раньше все было иначе. Мир сверкал! Алые всполохи, золотистые искры, изумрудные переливы – целая вселенная оттенков. А ведь кроме радуги существовали и другие цвета: нежный розовый, как первый вздох; пронзительная бирюза, глубже океанов; ослепительное золото, словно капли солнца. Особенно серебряный. Он был похож на лунный свет, пробивающийся сквозь звездную пыль – ту самую, что отделяла нас от них. От тех, кто нашел свой цвет. От тех, кто теперь по-настоящему жив. Казалось бы, что может быть прекраснее? Найти свой оттенок, стать частью этого сияния, навсегда покинуть этот блеклый мир... Но почему-то, глядя на Марлина, я впервые усомнился.

– Привет, Лея... – мой голос прозвучал неспешно, будто растворяясь в воздухе. Я поднял взгляд – и сразу узнал ее глаза, все те же, будто две капли звездного света в этом сером мире.

Лея. Моя неразлучная, моя безнадежная мечтательница. С ней мы были как две капли в одном потоке – не разделить, не разлить. Она обладала редким даром гнаться за своими грезами сквозь любые преграды, и в этом безумном упорстве была вся ее суть. Удивительно, но на нашем облачном острове она была легче всех – буквально. Порой мне казалось, что одно ее неосторожное движение, один слишком смелый вздох – и ветер унесет ее прочь. Она намеренно не утяжеляла свое облачко, будто всегда была готова отправиться в путь. Лея – словно живой родник надежды, способный заряжать энергией даже самых отчаявшихся. Но даже она оказалась бессильна перед Марлином. Мы смеялись, шутили, верили, что ничто не сможет нас разлучить. Даже когда каждый найдет свой цвет на той стороне звезд, даже когда нас разделят целые вселенные оттенков – мы останемся единым целым. Ведь там, где есть настоящее счастье, там нет места разобщенности.

В ее взгляде читалась попытка рассердиться – трогательная и совершенно безуспешная. Лея и злость были несовместимы, как ночь и солнце. Она вся была как тот самый одуванчик: легкая, солнечная в душе, хоть и не желтая внешне.

– Зачем... – ее голос дрогнул, будто облачко, зацепившееся за острый край скалы. Небольшая пауза повисла между нами, густая, как туман. – Ты ходил к Марлину?!

Я дернулся, будто меня ударило током. Как...? Откуда она...?

– Что, решила поиграть в следопыта? – выдавил я улыбку, чувствуя, как холодеют кончики лап.

Лея рассмеялась, и в ее глазах вспыхнули солнечные зайчики – будто кто-то рассыпал горсть звездной пыли по янтарному омуту.

– Да я тебя по запаху вычислила! – ее усики задрожали от смеха. – От тебя теперь разит, будто от тучи, которая неделю таскала с собой ливни. Старая-престарая гроза!

Ее лапка потянулась ко мне, но я резко отстранился – после встречи с Марлином мне казалось, что запах страха пропитал меня насквозь, как дождь пропитывает землю.

– Он... называет цвета обманом, – выдохнул я, ощущая, как слова оставляют горький привкус.

Лея внезапно преобразилась. Поджав лапки и обхватив колени, она стала похожа на пушистый комок сосредоточенности:

– Марлин... он как фонарь на краю пропасти. Светит ровно настолько, чтобы показать, куда не стоит ступать.

Даже сейчас она находила в нем крупину света. Даже в этом воплощении безнадежности она видела искру.

Неожиданно ветер принес россыпь сверкающих пылинок. Лея, словно ловец снов, поймала одну и протянула ко мне:

– Вдохни!

Я фыркнул – запах был... невесомым. Словно сам воздух стеснялся иметь аромат.

– Ничего? – ее улыбка стала тайной. – Это потому что это не цвет, Флик. Это его предложение.

Ее голос, обычно звонкий как родник, теперь звучал приглушенно, будто доносился со дна океана:

– Смотри, – она раскрыла лапку, где переливалась единственная частица радуги. – Это всего лишь намек. Обещание, которое ждет своего часа.

Наше облако дрогнуло, и я впился когтями в рыхлую поверхность. Лея же, напротив, вытянулась в струнку, будто готовая взлететь.

– Наш черед придет, – прошептала она, и каждое слово пускало корни в моем сердце. – Где-то за этой пеленой уже растет наш цвет. Нам нужно лишь... дождаться.

Ветер играл ее шерстью, и на мгновение мне померещилось – сквозь привычную серость проглядывает что-то... невозможное.

– Я столько наблюдала... – Лея прикрыла глаза, и ее длинные ресницы отбрасывали узорчатые тени, словно кружево, на переносицу. – Все, кто нашел свой настоящий цвет... Они не бросались вперед сломя голову. Они замирали. Слушали тишину внутри себя, пока не приходило это... – она сделала паузу, – это абсолютное знание. Как будто вся вселенная шепчет: "Сейчас".

Когда она открыла глаза, ее взгляд пронзил меня насквозь. Воздух будто застыл в легких.

– И знаешь, Флик, – ее голос дрогнул, словно натянутая струна, – этот момент нельзя пропустить. Он... – Лея положила лапку мне на грудь, прямо над сердцем, – он звучит вот здесь. Как первый удар грома после долгой засухи. Как треск льдинки, которая вот-вот превратится в ручей.

Откуда она знала такие вещи? Но в ее словах была странная, необъяснимая убедительность. Каждая фраза падала в душу, как семена в благодатную почву, прорастая решимостью. Благодаря ей я вдруг осознал – да, смогу переступить через звездную черту. Смогу дождаться того самого мгновения, когда все внутри запоем в унисон.

2. Неприятное пламя

В каждом мире есть своя симфония равновесия. Стая – это не просто группа, а живой организм, где каждая связь, каждая нить привязанности сплетается в единое полотно. Любовь, дружба, семья – они цветут в любом из оттенков вселенной... Но как найти тот самый, твой цвет?

Небо над островом вдруг вспыхнуло. Луна, будто раскаленная докрасна монета, повисла в чернильной тьме, заливая облака тревожным багряным светом. Я щурился от этого неестественного сияния – нет, этот пылающий цвет явно не был моим. Слишком интенсивный, слишком обжигающий.

– Удел лисиц, – прошептал я, чувствуя, как горячий ветер облизывает мордочку.

Лея рядом застыла, словно загипнотизированная кровавым светилком.

– Они интересные, своеобразные, но... – я не успел договорить. – Они прекрасны по своему, но...

– У-у-ух! – ее восторженный визг разрезал воздух острее, чем вспышка молнии.

Из клубящихся алых туч вынырнули они – сначала как далекие искорки в тумане, потом обретая форму. Десятки огненных созданий рассыпались по острову, но двое выделялись среди всех. Мы их заметили сразу.

– Флик, смотри же! – Лея дернула меня за ухо с такой силой, что звезды вспыхнули перед глазами.

Два алых силуэта оторвались от остальных и двинулись в нашу сторону. Они поймали наш взгляд и сразу осознали – их цель именно мы.

Первая – высокая, стройная, с шерстью цвета заката. Каждый ее шаг оставлял в воздухе легкое малиновое свечение, будто она шла по невидимым углям. Видно, что этот цвет действительно соответствует ее натуре и она никогда не оставит его.

– Привет, мышатки. – Ее голос звучал как шепот пламени. – Меня зовут Вера.

Она остановилась в шаге от нас, обдавая жаром. Ее глаза – два узких алых серпа – изучали нас с любопытством. В них светилась хитрая искорка, но за ней угадывалось что-то древнее, мудрое. Этот свет манил ощутить его на себе, но что-то не давало покоя.

– Рубин, – представился второй, кивнув.

Он был невысок, но крепко сложен, его густая шерсть отливала глубоким бордовым, словно драгоценная парча. Каждый шаг оставлял на облаках легкие, будто опаленные, отпечатки. Казалось, он и этот цвет стали единым целым – проникая друг в друга, они отмечали мир своим присутствием.

Взгляд его – размеренный, изучающий – скользнул по нам, но задержался на Лее. Меня это смутило. Значит, во мне нет даже намек на притяжение к твоему оттенку? С одной стороны, это отталкивало, с другой – странным образом облегчало. Я оставалась за пределами его цвета, и в этом было что-то освобождающее.

– Ну что, – Вера оскалилась, обнажая белоснежные клыки. – Решили узнать, каково это – гореть алым?

Лея подпрыгнула, чуть не сбив меня с ног:

– Да! Расскажите! Как у вас там? Ваш мир за звездами.

Рубин фыркнул и развалился на облаке, которое тут же покраснело под ним, лапы растопырил, окутавшись хвостом, будто ленился посвящать мышат в подробности:

– Жарко. Шумно. Ни минуты покоя.

– Зато никогда не скучно, – Вера подмигнула. Ее хвост, пушистый как язычок пламени, обвил ее бока. – Рубин всегда краток на язык, не обращайтесь внимание. У нас каждый день – приключение. Каждая ночь – праздник.

Я невольно отступил на шаг. Они были... слишком яркие. Слишком настоящие. Их энергия била через край, как кипящая лава.

– А... а больно? – спросил я.

Вера рассмеялась, и ее смех обжег мне уши:

– Больно? Малыш, чтобы засиять, нужно перестать бояться алого пламени. Какой бы ты цвет не выбрал, тебе всегда будет казаться, что это больно. Больно оставить свой мир и стать другим. Все возможности перед тобой открыты, выбирай что хочешь, понял, что это что-то не то, что это не твой цвет, не беда, возвращайся домой. Туда где тебе будет лучше. Потому что там, где будет твой цвет, будет и твоя частичка счастья, как и моя – Рубин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.